

УДК 930.85

К вопросу о художественном влиянии культуры Великобритании на Петербург эпохи Просвещения

Булмистре Яна Эгилсовна

Старший методист института постдипломного образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48; e-mail: rgpu12@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопроса влияния Великобритании на формирование художественной культуры Петербурга в XVIII – начале XIX веков. В статье рассматриваются аспекты влияния на следующие составляющие художественной культуры: садово-парковое искусство, мебельное искусство, живопись, гравирование, журналистика, праздничные культурные традиции. В статье используется системный подход, что позволяет достаточно полно проследить культурную взаимосвязь двух стран.

Ключевые слова

Санкт-Петербург, Великобритания, эпоха Просвещения, художественная культура, культурное влияние, культурные связи.

Говоря о влиянии художественной культуры Великобритании на петербургскую культуру, стоит отметить, что интерес к художественной культуре этой западноевропейской страны начал резко возрастать со второй половины XVIII века, особенно в цар-

ствование Екатерины II. Тем не менее было бы несправедливо утверждать, что подобное художественное влияние отсутствовало в Петербурге во времена основания города Петром I.

Обращая внимание на архитектуру, стоит отметить, что британское

влияние стало особенно заметно, когда речь пошла о создании так называемых английских парков. При этом Россия, как потребитель западноевропейской культуры в XVIII – начале XIX веков, многое воспринимала критически, оставляя за собой право как использования своих собственных строительных материалов, так и внесения коррективов в планы дворцово-парковых ансамблей.

Западноевропейское садово-парковое искусство было востребовано в Петербурге с первых лет его основания. Поэтому неудивительно то, что для строительства дворцово-парковых ансамблей в пригородах в 1779 году был привлечён британский подданный Ч. Камерон. Как писала сама императрица: «Я заполучила теперь господина Камерона, шотландца по национальности, якобита по убеждениям, великого рисовальщика, вскормленного на античности...»¹. Помимо его самого, для работ, проводимых в Царском Селе, была задействована целая колония шотландских мастеров. Этому способствовал указ Екатерины II, обращённый к сенату от 14 октября 1762 года об иностранных

поселенцах в России, предписывающий принимать всех желающих поселиться в стране иностранцев без излишних формальностей. Екатерина II задумала создать в России целые поселения иностранцев, которые «принесут с собой свои взгляды, нравы, обычаи <...> распространят влияние иной культуры далеко вокруг своего посёлка, что должно «умножить благополучие империи»².

Среди приглашённых британских специалистов наибольших успехов добились В. Гесте, разработавший генеральный план застройки Царского Села, и А. Менелас, создавший, по некоторым данным, 12 построек на территории резиденции императрицы. В Царском Селе Екатерина II искала уюта и предпочитала грациозные сооружения Ч. Камерона грандиозным постройкам архитекторов, строивших Петербург. Главное достижение британского архитектора и его помощников заключалось не только в соединении всех разрозненных фрагментов ансамбля, но и создании нового центра всей резиденции. Как писал известный исследователь петербургской архитектуры Д.О. Швидковский: «дороги, шедшие через «миры» восточно-

1 Кросс Э. «Англофилия у трона»: Британцы и русские в век Екатерины II. – М.: The British Council, 1992. – С. 122.

2 Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. – Лондон, 1895. – Т.2. – С. 194.

го каприза, триумфальных мечтаний, просвещённого благоденствия, – все были направлены к одному сооружению – римским термам, возведённым Камероном»³.

Об интересе к английским паркам и моде на них свидетельствует тот факт, что в 1773 году Екатериной II британскому керамисту Дж. Веджвуду был заказан знаменитый сервиз «Зелёная лягушка», на котором были изображены многочисленные виды знаменитых садов и парков Великобритании, по подсчётам учёных 1244⁴. Сервиз был предназначен на 50 персон и состоял из 952 предметов. Авторами гравюр, использованных в декорировании сервиза, были такие известные британские мастера, как Р. Вильсон, Л. Салливэтон, Дж. Бойделл, Ф. Виварес, В. Эллиот, Дж. Бикхэм, П. Сэндби.

Вблизи Царского Села по заданию Екатерины II Ч. Камерон спроек-

тировал небольшой городок Софию. Здесь для своих соотечественников британский архитектор построил дома, а улица, где они находились, называлась «Английской линией».

Было бы несправедливым не упомянуть и о строительстве резиденции для наследника престола в Павловске. Ч. Камерону довольно легко удалось уловить русский дух и спроецировать его на «плоскость» шотландского менталитета. Фактически британский архитектор создавал резиденцию английского лорда середины XVIII века, поклонника просветительских идей, если бы этот лорд пожелал построить свою резиденцию в окрестностях Петербурга. Восхитительный пейзажный парк был буквально пронизан представлениями о достоинствах естественной жизни в гармонии с природой. Павильоны здесь приобретали некий крестьянский образ, говорили о дружеской близости или семейных воспоминаниях. Павловск был наполнен атрибутами поклонения искусству – статуями муз и Аполлона⁵. Здесь сочетались естественная красота и классическая древность.

3 Швидковский Д.О. Династическая политика и архитектура во второй половине царствования Екатерины II // Век Просвещения. – М.: Наука, 2006. – Вып. I. – С. 149.

4 Gareth Jones W. Catherine the Great's understanding of the «Gothic» // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: [papers from the VI. International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999]. – Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2001. – P. 234.

5 Швидковский Д.О. Династическая политика и архитектура во второй половине царствования Екатерины II // Век Просвещения. – М.: Наука, 2006. – Вып. I. – С. 150-151.

Ещё одним дворцом, возведённым в царствование Екатерины II и имеющим явную связь с художественной культурой Великобритании, был Чесменский дворец со служебными корпусами и церковью, получивший своё название в честь десятилетия Чесменской победы. Он задумывался как путевой, для отдыха между столицей и её пригородом Царским Селом. Проектировщиком и строителем данного архитектурного ансамбля был Ю.М. Фельтен, который «в качестве образца использовал средневековый английский замок Лонгфорд»⁶, что связано с увлечением императрицы английской готикой. По углам дворца были построены башни с бойницами, вокруг замка находился ров с водой, над которым нависали подъёмные мосты. В 1780 году недалеко от дворца архитектор воздвиг церковь (нынешний адрес ул. Ленсовета, д. 12) с использованием мотивов английской готики и приёмов, характерных для русского церковного строительства. Чесменская церковь – едва ли не лучшее творение Ю.М. Фельтена – особенно ярко показывает, каких значительных художественных результатов

добивались российские архитекторы, синтезируя в своём творчестве архитектурные приёмы различных эпох и стран (в том числе британской готики) и традиции русской архитектуры. Так, пятиглавие Чесменской церкви можно рассмотреть как следование традициям русского храмового зодчества.

Строившиеся дворцово-парковые ансамбли требовали и дизайнерских решений. Немало предметов мебели ввозилось в Петербург в XVIII – XIX веках, популярны были и английские образцы. С распространением классицизма в архитектуре британская мебель стала привлекать особое внимание российских монархов и знати. Наибольшей популярностью пользовались работы мастерской английского мебельщика Т. Чиппендейла, они привлекали своей рационально-продуманной конструкцией и сдержанным характером декора.

Однако нельзя не отметить, что британская мебель появилась в Петербурге ещё при Петре I, который ценил в предметах, в том числе и в мебели, простоту конструкции и удобство, например, в марте 1717 года он заказывает адмиралтейскому служащему А. Апраксину изготовить в одной из мебельных мастерских Лондона по

6 Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. – СПб: Фонд «Ленинградская галерея», 1995. – С. 33.

специальному чертежу конторку и четыре кровати; а уже в апреле Пётр I повелевает купить четыре ореховых стола, чтобы было возможным принять 24 персоны, четыре стола на 12 персон, несколько четырёхугольных столов, предназначенных для расположения между окон, а также просит присмотреться к новомодным шкафам для кабинетов и прислать их рисунки и цены⁷. Вместе с мебелью, привезённой из Великобритании, в Петербург впервые попали и глубокие «крылатые» кабинетные кресла, впоследствии получившие название вольтеровских кресел. У них было мягкое сиденье, высокая спинка и подлокотники, поднимающиеся в виде «крыльев».

Вся мебель переправлялась в Петербург морским путём, что было достаточно долго и дорого, в связи с этим Пётр I решил обучать в Великобритании своих собственных профессионалов-мебельщиков. В среднем на это уходило от четырёх до шести лет. По возвращении в Петербург и сдачи экзамена они получали

деньги на обустройство собственных домов, организацию мастерской, а также привлечение и обучение учеников. Петербургские мастера выполняли работу исключительно из древесины благородных пород, среди которых были дубовые доски, ореховые, сандаловые и пальмовые деревья.

Особенно интенсивно мебель из Великобритании стала поступать в Россию и, в частности, в Петербург с 1734 года. Одним из самых крупных был заказ Елизаветы Петровны в 1748 году, когда она повелела купить в Англии 180 стульев и переслать их в Петербург. Сделаны они были из красного дерева и имели утолщение в лобовой части, сиденья были обиты чёрной кожей. Как утверждает Н.Ю. Гусева, в Петербурге хорошо знали «мебель для сиденья, близкую по виду к образцам, сделанным по рисункам английского мастера Т. Чиппендейла»⁸.

Первые частные мебельные мастерские города на Неве делали «английские» стулья различных моделей налюбойвкусикошелёк. Исполнителями являлись как мастера-иностранцы, так и местные ремесленники. Однако стоит отметить, что петербургские мастера делали мебель хоть и похожую на западные, в частности, бри-

7 Гусева Н.Ю. К вопросу об английском влиянии на мебельное искусство Петербурга первой половины XVIII века // Россия – Англия. Страницы диалога. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. – С. 68.

8 Там же. – С. 71.

танские образцы, тем не менее, она заметно отличалась по пропорциям, конструктивным особенностям, деталям декора, а также использованным материалам. «Мастера использовали характерные для мебели Т. Чиппендейла ножку-кабриоль или изогнутую ножку с каплевидным окончанием, сложную прорезь в середине спинки и некоторые другие детали. При этом применяли местный материал – простую берёзу, окрашенную в красновато-коричневый и чёрно-зелёный тона, наивно подражающую красному дереву или цвету петровского времени»⁹.

Мебельное искусство имело колоссальную популярность. И уже к 1790-м годам в Петербурге была создана мощная мебельная промышленность, положившая начало расцвету русского мебельного дела в первой половине XIX века, а образцы её производства распространились далеко за пределы столицы.

Предметы и произведения искусства, изготовленные в Британии, активно использовались для украшения интерьеров дворцов и особняков царской семьи и знати. Так, например,

наряду с мебелью, о которой уже шла речь, пользовались популярностью и гравюры мастеров с туманного Альбиона. По желанию Екатерины II для Царского Села в большом количестве были приобретены гравюры, на которых изображались уголки и павильоны многочисленных английских садов и парков.

Среди британских гравёров в Петербурге наибольшей популярностью добился Дж. Уокер. Он был известен своими гравюрами на библейские темы. Дж. Уокер гравировал портреты почти всех знаменитых людей екатерининского царствования. Его гравюры отличались чрезвычайной красотой и изяществом работы. Основные работы Дж. Уокера – это большой лист, изображающий великих князей Александра и Константина, портрет Екатерины II, портреты: А.Ф. Зубова, графини Завадovской с дочерью, А.П. Сумарокова и графини Протасовой с племянницами.

Дж. Уокером было исполнено много гравюр с картин разных иностранных художников, а в 1797 году им было предпринято издание Эрмитажной галереи. Позже он награвировал 700 листов русских костюмов, вслед затем начал гравировать проспекты Петербурга. Выполняя гравю-

⁹ Фесенко М.Л. История русской материальной культуры XVIII века. – Ярославль: Яросл. Гос. ун-т, 2001. – С. 35.

ры с живописных оригиналов русских художников, Дж. Уокер являлся незаурядным интерпретатором русского искусства. Однако он не был лишь создателем копий, а имел свою собственную выраженную творческую оригинальность. Он оставил замечательную галерею образов представителей русского общества конца XVIII века, внося тем самым свой вклад в развитие петербургской культуры.

Необходимо отметить, что во второй половине XVIII века представители британской богемы в Петербурге заметно уступали по численности французским и итальянским художникам. Наибольшую известность на берегах Невы среди британцев приобрел Р. Бромптон, который был известен у себя на родине как придворный художник короля Георга III. Р. Бромптон проработал в Петербурге всего три года, тем не менее за это время ему удалось создать такие шедевры, как портреты великих князей Александра и Константина Павловичей, ставшие образцами изображения наследников в юном возрасте, князя А.Б. Куракина, Екатерины II. А неоконченное британским художником изображение императрицы Екатерины II на фоне флота получило воплощение в портрете, принадлежащем кисти Д.Г. Левицко-

го «Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия». Необходимо помнить, что когда мы говорим об иностранцах, работавших в Петербурге, в частности, о живописцах, на страницах книг остаются лишь те, кто добивался успехов, но мы не знаем о тех, кто покинул город на Неве, так и не реализовав себя. А среди них были и британцы.

XVIII – начало XIX столетия было эпохой расцвета не только гравирования, но и портретной живописи. Как в Великобритании, так и в России, особенно в Петербурге, увлечение портретным искусством продолжалось вплоть до середины XIX века. Известный английский художник сэр Дж. Рейнольдс писал картины для графа Потёмкина и Екатерины II. По заказу императрицы он создал картину «Младенец Геракл, удушающий змей», ставшей символом мощи и силы Российской империи. Позднее художник создал композицию «Великодушные Сципиона Африканского» для Г.А. Потемкина. Данное полотно было призвано прославлять и превозносить благородство полководца, который возвращает дочь побежденного им царя ее жениху. В настоящее время эти картины хранятся в Государственном Эрмитаже в Петербурге

вместе с ещё одной известной картиной английского мастера — «Венера и Амур». Екатерина II восхищалась Дж. Рейнольдсом не только как художником, но и как автором «Речей» для Королевской академии. По указанию императрицы эта книга была переведена на русский язык, где, в частности, Дж. Рейнольдсом вводилось такое понятие, как «портрет в историческом стиле» и обосновывалось его право принадлежности к ряду «высших» родов живописи.

Если говорить о влиянии английских живописцев на русскую портретную школу, то здесь, в первую очередь, нужно отметить Т. Гейнсборо. Помимо портретов в рост, поясных, погрудных, он писал парные и групповые портреты, иногда сближающиеся с жанровыми сценами. Такой вид жанрового группового портрета получил широкое распространение не только в английском искусстве этого времени, но и в России. Примером жанрового группового портрета XVIII века может служить портрет Д.Г. Левицкого «Смолянки». В духе портретов Т. Гейнсборо, например, исполнен «Портрет великой княжны Елены Павловны», принадлежащий кисти В.Л. Боровиковского. Он также, вслед за английским художником, стал использовать

голубовато-серебристую гамму. В настоящее время в коллекции Эрмитажа находится одна из самых знаменитых картин Т. Гейнсборо «Герцогиня де Бофор». В портретах великих князей Александра и Константина Павловичей Ф.С. Рокотова также прослеживается сходство с творчеством Т. Гейнсборо.

В 1775 году русское правительство приобрело в Великобритании для Эрмитажа превосходное собрание картин выдающегося политического деятеля Британии середины XVIII века Р. Уолпола, которое считалось одним из лучших. Свыше 120 полотен украсили эрмитажную галерею. Были среди них шедевры британских живописцев: Г. Неллера, Р. Уокера, У. Добсона. Посещать эрмитажную галерею разрешалось ученикам Петербургской Академии художеств, основанной во второй половине XVIII века. Её руководителями в разное время были такие англomаны, как И.И. Шувалов, передавший в дар Академии свою библиотеку, коллекцию картин, гравюр, слепков с произведений античного и западноевропейского искусства, и И.И. Бецкой, реформировавший Академию в соответствии с модой на западноевропейские просветительские идеи, и многие другие видные деяте-

ли. Благодаря усилиям Петербургской Академии художеств влияние английской живописи сказалось на работах таких русских мастеров, как И.Н. Никитин, А.П. Антропов, Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский и др.

Говоря о влиянии художественной культуры Великобритании на Петербург нельзя не упомянуть и о журналистике. Пожалуй, ни в одной области культурное влияние Британии на город на Неве в XVIII веке не было столь определяющим, как на журналистику. С большинством произведений британских писателей русский читатель знакомился в переводных журналах. Восприятие в Петербурге XVIII – начала XIX веков английской просветительской журналистики было достаточно глубоким и осуществлялось оно как посредством английского языка, так и через иноязычные переводы и переделки. Журналы Р. Стиля и Дж. Аддисона пользовались популярностью не только у себя на родине – в Великобритании, но и в Петербурге.

В XVIII столетии британская публицистика распространялась в Петербурге довольно активно. Как пишет в своей статье русский литературовед Ю.Д. Левин, «в первом русском журнале, издававшемся Академией

наук, «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», помимо комментариев к официальным известиям, печатавшимся в газете «Санктпетербургские ведомости», уже в 1731 году стали появляться самостоятельные статьи, и до 1735 года здесь было напечатано 15 статей из периодики Стиля и Аддисона: из «Зрителя» – 12, «Опекуна» – 2 и «Болтуна» – 1»¹⁰. Подобные статьи, как правило, переводились на русский язык не с английского, а с других языков, так как в первой половине XVIII века людей, профессионально владеющих английским языком, было чрезвычайно мало. С языка оригинала их переводили на французский, затем на немецкий, и, в конце концов, на русский. Большинство российских, в первую очередь петербургских журналов, публиковали на своих страницах отрывки и целые произведения британских писателей XVIII – начала XIX веков, что демонстрирует стремление интеллигенции поближе познакомиться с литературой Великобритании. Как замечает Ю.Д. Левин, в XVIII столетии русских читателей более всего интересовала нравоучитель-

10 Левин Ю.Д. Английская литература в России XVIII века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russianculture.ru/brit/histbr3.htm>

ная сторона английской периодики, а не сатирическая. Однако со временем весомое значение стала приобретать позднепросветительская периодика С. Джонсона и Дж. Хоксуорта, хотя переводы из нее были довольно редки.

Петербургский научно-популярный и литературный журнал, также издававшийся Академией наук, назывался «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». На его страницах активно использовались статьи и стихотворения из английских моралистических журналов. Как пишет Ю.Д. Левин, за десять лет существования «Ежемесячных сочинений» в них были напечатаны 31 очерк из журналов Р. Стиля и Дж. Аддисона «Болтун», «Зритель», «Опекун», 4 из журнала С. Джонсона «Скиталец», один из сборника О. Голдсмита «Гражданин мира», а также 8 очерков из английских ежемесячников: «Универсальный журнал», «Общий журнал», «Журнал для джентльменов»¹¹. Следует отметить, что, как и ранее, в первую очередь переводились очерки и нравоучительные рассуждения,

имевшие своей целью внушить читателям основные этические принципы, например, «Письмо о том, что собственнo высоко почитать надлежит», посвященное поиску истинной славы человека, или «Описание во всём приятного человека».

В 1759 году в Петербурге стали издаваться первые русские частные журналы. Самым известным был ежемесячник «Трудолюбивая пчела». Помимо него в столице появился еженедельник «Праздное время, в пользу употреблённое». Данные журналы имели колоссальное значение, так как их возникновение показало возможность существования периодических изданий без участия правительства и чиновников. На страницах этих журналов также можно было встретить английские переводные очерки, в частности, из «Зрителя».

Среди других петербургских периодических изданий конца XVIII века особый интерес к британской литературе проявляли «Санкт-Петербургский вестник» и «Зеркало света». Здесь были помещены переводы сатирических статей английского писателя и политического деятеля Ф. Честерфилда, отрывок из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна и многие другие переводы.

¹¹ Левин Ю.Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. – Л.: Наука, 1967. – С. 26.

В XVIII веке в Петербург из Великобритании приходит мода на журналы, целевой аудиторией которых являлись женщины. Первый женский журнал был создан в Великобритании в 1737 году¹². Постепенно мода на подобные издания проникла в российскую столицу. Писать «для дам» с годами становилось всё более популярным занятием. С середины XVIII столетия один за другим в городе на Неве появлялись первые женские журналы: «Магазин английских, французских и немецких новых мод, описанных ясно и подробно, и представленных гравированными на меди и иллюстрированными рисунками; с присовокуплением описания образа жизни, публичных увеселений и времяпровождения в знатнейших городках Европы; приятных анекдотов и пр. Ежемесячное издание», «Журнал для милых» и др. Как видно из названий, подавляющее большинство журналов для женщин в XVIII – начале XIX веков, как и сейчас, было посвящено тенденциям моды, включая косметику.

12 Hammarberg G. Reading A La Mode: The first Russian women's journals // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: [papers from the VI. International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999]. – Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2001. – P. 221.

Создателями подобного рода изданий были мужчины, которые преследовали не только коммерческую выгоду, но и стремились воздействовать на женские умы. Редакторская сторона и печать целиком и полностью контролировалась сильным полом, в то время как женщины проводили время в будуарах. Появлению женских журналов способствовал и сентиментализм, давший женщинам право на чувства и их проявление. Выход подобных изданий был прорывом в области прав женщин и подтолкнул их к дальнейшей борьбе за равноправие с мужчиной.

В качестве одного из способов формирования нового публичного образа жизни в молодой столице Пётр I использовал европейские праздничные традиции, перенося их на российскую петербургскую почву. Характерным примером здесь могут служить популярные в то время маскарады. Российский император дважды был «в мошкаре», который устраивался в одной из четырёх юридических корпораций в Лондоне в конце XVII века. Как отмечает исследователь Е.А. Погосян, подробного описания маскарадов, которые посещал Пётр I, не сохранилось. Но всё же «сохранившиеся материалы свидетельствуют о том, что «сценарий» рождественских

потех с выборами шутовского правителя, его четырёхнедельным правлением и возвращением на Масленицу, был довольно устойчивым»¹³.

Полученный в Европе опыт участия в маскарадных действиях Пётр стал применять сразу же по возвращении домой. В частности, начинается игра в «Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор», состав которого включал в основном ближайших приближённых во главе с царём, и доходил до двухсот человек. Собор был своеобразным способом секуляризации русской культуры в грубой площадной форме. Среди членов Собора явно выделялись две группы: та, для которой Собор был основным занятием, и группа видных государственных деятелей, которые пьяные оргии сочетали с исполнением важных функций управления страной.

Чтобы угодить царю, петербургские иностранцы использовали его «опыт» Всешутейшего собора. Так, например, проживавшие в Петербурге подданные британской короны образовали ответвление Всешутейшего собора, именовавшееся «Великобританским монастырём». Подобно

своему прародителю, он существовал только на словах и по праздникам. «Собор высмеивал духовенство, а «сумасбродное братство» монастыря жило по законам римского бога вина»¹⁴. Члены данной «организации» формально подчинялись шутовскому первосвященнику Преображённого царства, проживавшему напротив «Великобританского славного монастыря» в Петербурге на Большой Дворянской улице (ныне улица Куйбышева). Входящие в состав монастыря должны были принимать участие в ежегодных святочных процессиях и составляли важнейшую часть зимних придворных празднеств. «Великобританский монастырь» даже имел свой собственный устав. Как отмечает Э. Зицер, подобная организация лишней раз подтверждает грубые нравы, господствовавшие в петербургской британской колонии в первые годы существования Санкт-Петербурга.

Проведение маскарадов прочно укоренилась в русской традиции XVIII – начала XX веков, утратив со временем характерные для ранних русских маскарадов черты площадной культуры.

13 Погосян Е.А. Первые маскарады Петра Великого (1698 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/539858.html>

14 Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 166.

Итак, подводя итог, можно говорить об усилении от десятилетия к десятилетию влияния художественной культуры Великобритании на Петербург (архитектура, садово-парковое, мебельное искусство, гравирование, живопись, журналистика,

праздничные традиции) на протяжении XVIII – начала XIX веков, что в очередной раз доказывает существование высокого интереса петербуржцев к культуре западноевропейских стран и, в первую очередь, к культуре Великобритании.

Список литературных источников

1. Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. – Лондон, 1895. – Т.2. – 765 с.
2. Гусева Н.Ю. К вопросу об английском влиянии на мебельное искусство Петербурга первой половины XVIII века // Россия – Англия. Страницы диалога. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. – С. 68-71.
3. Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 240 с.
4. Кросс Э. «Англофилия у трона»: Британцы и русские в век Екатерины II. – М.: The British Council, 1992. – 122 с.
5. Левин Ю.Д. Английская литература в России XVIII века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russianculture.ru/brit/histbr3.htm>
6. Левин Ю.Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. – Л.: Наука, 1967. – С. 3-79.
7. Погосян Е.А. Первые маскарады Петра Великого (1698 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/539858.html>
8. Синдаловский Н.А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. – СПб: Фонд «Ленинградская галерея», 1995. – 248 с.
9. Фесенко М.Л. История русской материальной культуры XVIII века. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2001. – 116 с.
10. Швидковский Д.О. Династическая политика и архитектура во второй половине царствования Екатерины II // Век Просвещения. – М.: Наука, 2006. – Вып. I. – С. 141-159.

11. Gareth Jones W. Catherine the Great's understanding of the «Gothic» // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: [papers from the VI. International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999]. – Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2001. – P. 233-240.
12. Hammarberg G. Reading A La Mode: The first Russian women's journals // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: [papers from the VI. International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999]. – Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2001. – P. 218-232.

On the artistic influence of British culture on Petersburg of Enlightenment period

Bulmistre Yana Egilsovna

Senior methodologist of Advanced Vocational Education Institute at A.I. Herzen
Russian State Pedagogical University,
Post Box 191186, Moika embankment, No. 48, St. Petersburg, Russia;
e-mail: rgpu12@yandex.ru

Abstract

The article deals with the issue of influence of British culture on the formation of St. Petersburg artistic culture in the XVIII – early XIX centuries. In the article author makes impact on the following items of artistic culture: the art of landscape gardening, furniture art, painting, engraving, journalism, festive cultural traditions. This article uses a systems approach, which allows full enough to trace the cultural relationship between the two countries.

Keywords

St. Petersburg, United Kingdom, the Enlightenment, art culture, cultural influence, cultural relations.

References

1. Bil'basov V.A. The story of Catherine the Great. – London, 1895. – Vol. 2. – 765 p.
2. Guseva N.Yu. To a question of English influence on the furniture art of St. Petersburg of the first half of XVIII century // Russia – England. Dialog pages. – SPb., 1999. – P. 68-71.
3. Zitser E. Kingdom of the Transfiguration: The Sacred parody the royal charisma at the court of Peter the Great. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 240 p.
4. Kross E. "The throne of Anglophilia": The British and the Russian at the age of Catherine II. – Moscow: The British Council, 1992. – 122 p.
5. Levin Yu.D. English Literature in Russia in XVIII century. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.russianculture.ru/brit/histbr3.htm>
6. Levin Yu.D. British journalism education in Russian literature of XVIII century // The Age of Enlightenment. From the History of International Relations of Russian literature. – Leningrad: Nauka, 1967. – P. 3-79.
7. Pogosyan E.A. The first masquerades of Peter the Great (1698). [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.ruthenia.ru/document/539858.html>
8. Sindalovskii N.A. Legends and myths of St. Petersburg. – SPb., 1995. – 248 p.
9. Fesenko M.L. History of Russian material culture of the XVIII century. – Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2001. – 116 p.
10. Shvidkovskii D.O. Dynastic politics and architecture in the second half of the reign of Catherine II // Vek Prosveshcheniya. – Moscow: Nauka, 2006. – Issue. I. – P. 141-159.
11. Gareth Jones W. Catherine the Great's understanding of the "Gothic" // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: [papers from the VI. International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999]. – Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2001. – P. 233-240.
12. Hammarberg G. Reading A La Mode: The first Russian women's journals // Reflections on Russia in the Eighteenth Century: [papers from the VI. International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leiden 1999]. – Köln; Weimar; Wien; Böhlau, 2001. – P. 218-232.